

Вспомогательное чтение

Вспомогательное чтение

Вспомогательное чтение

Вспомогательное чтение

Вспомогательное чтение

Вспомогательное чтение

Вспомогательное чтение

Вспомогательное чтение

Вспомогательное чтение

Вспомогательное чтение

Вспомогательное чтение

Вспомогательное чтение

Вспомогательное чтение

Вспомогательное чтение

Что-то в этой стране есть

Кроме таланта, судьба подарила Людмиле Зыкиной множество встреч с известными людьми. Большинство глав из своей книги «Течет моя Волга» Зыкина посвятила тем, кто умножил славу России, с кем ей довелось общаться и дружить... Книга недавно вышла в издательстве «Новости» скромным тиражом — 10 тысяч экземпляров. Сегодня мы предлагаем рассказ Людмилы Зыкиной о Майе Плисецкой.

На рыбалке в Подмосковье. 1967 г.

жества, убожества мыслей и действий вопреки здравому смыслу. Тупость идеологизированных аппаратов чиновников порой выводили балерину из равновесия. Раздражали ее и необдуманные, бездумно-бюрократические поступки администрации театра.

Известно, что за годы, прошедшие с Октябрьского переворота в 17-м, в Большом театре сменилось двадцать (!) директоров, и лишь двое — Е. Малиновская и М. Чулаки — оставили о себе добрую память. Остальные же не особенно долго задерживались в директорском кресле, обшито бордовым цветом бархатом с позолотой. Среди них находились и администраторы, далекие от подлинной культуры, подчас не желающие прислушиваться к голосу и разуму окружающих, даже если просьбы или пожелания исходили от известных, заслуженных людей и очевидность возмозможного решения того или иного вопроса не вызвала сомнений.

В 1978 году исполнилось сто лет со дня рождения Айседоры Дункан. В честь легендарной танцовщицы Плисецкая решила вместе с Морисом Божаром создать новый балет. Его так и назвали — «Айседора». Весной в Большом театре состоялась премьера. Поскольку она всегда расценивалась как событие в мировой хореографии и желающих попасть на спектакль оказывалось в десятки, сотни раз больше, чем мест в театре, балерина составила список приглашенных, среди которых оказались видные представители художественной интеллигенции, знаменитости театра, кино, спорта, науки, политики, гости из-за рубежа, дипломаты, журналисты... Список оказался столь длинным, что управляющий кассами Большого театра, многоопытный и прозорливый Михаил Лахман, от удивления лишь развел руками, но падать в обморок не стал и отослал Плисецкую к директору. Георгий Александрович Иванов, которого артисты между собой сокращенно звали ГАИ — а он своими действиями действительно напоминал манипуляции соответствующего ведомства милиции, — в просьбе отказал, не удостоившись поинтересоваться, что за фамилии значились в том зловещем перечне. В гневе балерина выплеснула все мыслимые и немислимые отборные ругательства в адрес опешившего и не ожидавшего таких «красивых» эпитетов директора и тут же поехала к министру культуры П. Н. Демичеву. «Если вы, Петр Нильч, мне откажете, — заявила она, — то я буду вынуждена обратиться к Брежневу». Демичев не сомневался в том, что Плисецкая отправится к Генсеку ЦК КПСС, и чтобы избежать назревающего скандала, не теряя ни секунды, позвонил Иванову: «Выдайте Плисецкой броне на билеты».

Всякий раз, когда балерина чувствовала по отношению к себе несправедливость, хамство, она давала решительный отпор, независимо от того, какой высоты номенклатурный пост занимал тот или иной чиновник. А уж если дело касалось реализации творческих замыслов, свои позиции отстаивала достойно в любых самых сложных ситуациях. На этой почве у нее было немало внутренних конфликтов с главным балетмейстером театра Ю. Григоровичем. Общим личностям ярчайшей индивидуальности оказалось совсем нелегко ужиться под одной театральной крышей. Григорович, создав несколько яр-

ких спектаклей, начал «обновлять» классику — балеты «Лебединое озеро», «Раймонду», «Ромео и Джульетту», «Спящую красавицу», которые долгие годы не сходили с афиш театра. «Лебединое озеро» кроилось несколько раз. Не только в Большом: в каждом театре оперы и балета бывшего Союза к нему прикладывали руки все кому не лень, что-то «совершенствовали», старались сделать из него гордость труппы, нечто вроде ее визитной карточки. Дело доходило до смешного: в дни так называемых обменных гастролей один театр везет в другой город «Лебединое озеро», а из того города в первый едет... тоже «Лебединое озеро». Даже в дни августовского путча в 1991 году на экранах телевизоров появилось не что иное, как набившее оскомину все то же «Лебединое озеро», где в главной партии танцевала Н. Бессмертнова, жена Григоровича.

Бывали случаи, когда Плисецкую называли за то, что смела протестовать, перечить. Во время перелета Рим — Дели она села в самолет в первый ряд. Очередной казгэбэшник, глава группы, потребовал освободить место для него. «Нет, я танцовщица и должна сидеть, вытянув ноги, мне вечером танцевать». «Я тебе покажу, ядрена корень, какая ты танцовщица!» — пообещал тот. И показал. КГБ довольно долго не давал ей паспорт, мотивируя свой отказ разными несущественными причинами и доводами, и спектакли Большого театра возили по миру без примы.

Будучи всегда в оппозиции к советской власти, балерина в то же время была гордо существовавшей системы. Плисецкая неизменно выступала в Москве на всех правительственных концертах. Когда в бывший Союз приезжали важные зарубежные гости и делегации, посещение спектакля Большого театра с участием Майи Плисецкой было неременным условием протокола. Ею хвалились, она была как бы оправданием действующей системы. За рубежом говорили: раз Плисецкая не уезжает, значит, что-то в этой стране есть. И она действительно 50 лет кряду делала искусство. У нее были стыд и патриотизм. Ей часто предлагали уехать на Запад на фантастических условиях, но Плисецкая думала («Теперь понимаю, по глупости», — призналась она), что танцевать в Большом театре — великое благо, большая честь и огромная радость. Оказалось, что ошибалась всю жизнь. Ей еще тогда Вишневская говорила: «Уезжай, а то тебя все равно выбросят». И действительно вышвырнули.

Она написала письмо Горбачеву, очень краткое и серьезное. Он не ответил. «По существу, — с горечью признавалась балерина, — это и был молчаливый ответ: мол, катись-ка ты отсюда. Я и укатила... Если бы уехала раньше, как много я могла бы сделать. Впрочем... Будь условия маломальски сносные, я бы жила здесь. Но если тебе не дают ни ставить, ни преподавать, ни выступать — зачем тогда вообще жить? С величайшими скандалами и болями я сделала несколько своих спектаклей. Это стоило жизни и мне, и Щедрину. До последнего момента никто не знал, раз-решат ли «Анну Каренину». Когда мы

Ю. Темирканова, Л. Зыкина, Р. Щедрин, М. Плисецкая. Ленинград, 1968 г.

репетировали ее на сцене, двери зала были закрыты: оркестру, балету запрещалось видеть, участвовать до высочайшего разрешения. Эта вседозволенность диктатора — характерный штрих системы, где, как известно, кто начальник, тот и прав... Модерн-балет был запрещен вообще, потому что он противоречил социалистическому реализму и не был пронизан марксистскими догмами. «Кармен» раздражала откровенной чувствительностью, поскольку, не секрет, тоталитарные системы всегда предпочитают пуританство. Наверное, потому, что в сексе, в страсти есть что-то неподконтрольное».

Терпеливо и мужественно несла свой нелегкий крест в Большом театре балерина. Никто не считал — а напрасно! — сколько долларов сдала государству знаменитая прима, оставаясь, по существу, с грошами в кармане. Будучи художественным руководителем Национального балета Испании, она ежемесячно получала за свой труд 7500 долларов. Но все деньги, до последнего цента, у нее отбирал Госконцерт. За выступление на телевидении ей заплатили 10000 долларов. Госконцерт милостиво разрешил ей взять себе... 160. При этом Плисецкая должна была привозить море бумажек, копий, заверенных счетов, квитанций, вплоть до справок из Мадридского банка, каков биржевой курс американского доллара в день получения своей собственной зарплаты. «От зарплат этих бумаг, — негодовала артистка, — у нормальных людей глаза на лоб лезут!» Кто же чинил административный произвол? Заместитель министра культуры Г. А. Иванов, тот самый ГАИ, бывший директор ГАБТа, вносивший сумятицу и нервозность в ставшее традиционно скандальным оформление контрактов с зарубежными странами. Скольких же потраченных нервов стоили звезды мирового балета — и не только ей одной — действия высокого функционера!

Больше того, сами звезды становились иногда изысканным «прикрытием» для зарвавшихся дельцов, промышлявших на ниве искусства. — Я сама наблюдала, — рассказывала Плисецкая, — как в недалекие бывшие времена проворные директора и их многочисленные замы умудрялись заключать на меня по два равноплатежных договора с одним импресарио. Один договор — официальный, другой — тайный. На моих же глазах они кляли тысячные суммы себе в карман, по-своему деля добычу между собой, а часть передавая выше. Когда я говорила об этом во всеуслышание, в том числе и заместителем министра культуры тоже, все лишь потупляли глаза...

Поборами занимались и люди рангом пониже, и вовсе глаз при этом не потупляя. В том же Большом театре. Я помню нашу мешущую в 1986 году историю с поборами, когда выяснилось, что во время заграничных гастролей заведующий оркестром театра Панюшкин не один год собирал с оркестрантов дань в валюте. Злые языки в театре утверждали, что пристроившему в оркестр жену, тещу, дочь и мужа дочери Панюшкину не хватало денег, чтобы свести концы с концами, и ему ничего, равным счетом ничего не оставалось делать, как обирать весь остальной оркестровый люд, выезжающий за рубеж, а это порядка ста лучших музыкантов. Когда у фатогиста и контрабасиста полностью терпение и они заявили протест, обоим уволили как «не прошедших по конкурсу», «из-за низкого профессионального уровня», хотя и Евгений Светланов, и Геннадий Рождественский, и Юрий Темирканов, и Тихон Хренников считали и того, и другого (один вообще был победитель трех (!) конкурсов) великолепными музыкантами. Чтобы не трепать нервы, фатогист плюнул на явное беззаконие, другой же набегался по судам и схватил в поисках истины гипертонический криз. ГАИ и тут пальцем не пошевелил, чтобы выправить положение.

Грабеж среди бела дня был нормой. Все великие артисты, привозившие миллионы в государственную казну, возмущались, негодовали, требовали справедливости. Однако функционеры наверху тоталитарной власти оставались глухи и немые, делая вид, что все в порядке, так должно и быть в передовом государстве развитого («завитого» — поправили меня в парикмахерской) социализма. еприхотливости балерины в быту общеизвестна. Она далека и от эфемерных сифид и эфирных эльфов и не может, как очень верно подметил поэт Андрей Вознесенский, сказать: «Мой обед — лепесток розы». А уж если какая-нибудь навязчивая зарубежная или наша — все равно — корреспондентка спросит ее о рационе питания или о чем-нибудь другом в этом роде, ответ прост: «Сижу не жрамщи!». Прав-

да, сказано с преувеличением, потому что справедливая русская поговорка «все хорошо в меру» как нельзя кстати подходит к рациону питания Плисецкой. Впрочем, мне всегда казалось, что она голодная и ей все время хочется есть. Как-то зашли мы с ней в театральный буфет. Сидя за чашкой чая с лимоном, она сделала замечание своему партнеру Н. Фадееву: «Если будешь обедать, уходи со сцены». Он ответил, что весит столько же, сколько двадцать лет назад. «Но тогда ты был молодой», — возразила Майя. Замечу, кстати, что Плисецкая, когда начинала, весила пятьдесят шесть килограммов. Потом все держалась на постоянном уровне — сорок девять. Однажды — дело было в ее квартире на Тверской, — увидев у знакомого журналиста довольно внушительную округлость талии, балерина с изумлением воскликнула: «Какой ужас! Такой живот позволительно Уинстону Черчиллю. Люся, ты где-нибудь видела талантливых пузатых журналистов в тридцать или сорок лет? Я не видела. Вот возьми и убери это безобразие с талии...». И она протянула опешившему репортеру широкий, из отличной кожи ремень, привезенный ею из Мадрида, где Плисецкая в то время работала по контракту.

В своем внешнем виде в деталях туалета балерина умеет подчеркнуть то, что эстетически наиболее привлекает.

— Я обожаю красивые вещи, — не раз говорила она. — Люблю их выбирать и покупать. Но нет времени их носить.

Зная превосходный вкус Плисецкой, я старалась прислушиваться к ее советам.

— Вот эта малахитового цвета ткань с украшениями подойдет тебе лучше всего, — сказала она как-то, указывая на отрез. Из него получилась потом отличная платье. В нем я выступала на торжественных концертах и вечерах.

В ее пристрастиях много любопытного. Будучи на Шпицбергене, она увлеклась лыжами. Спустила горы и убедилась в том, что она еще и первоклассная пловчиха — может плавать быстро и далеко. В Гаване Плисецкая однажды провела в море несколько часов. В Сухуми я наблюдала, как представителю «сильного» пола один за другим сходили с дистанции, не выдержав соревнования с танцовщицей, уплывшей далеко в море. На Кубе брат Плисецкой Азарий пытался пристрастить ее к морским глубинам. Не получилось. Зато футбол, художественную гимнастику, конный спорт она просто обожает. Любость к лошадям перешла к Плисецкой от матери, занимавшейся в школе верховой ездой.

Футбол ворвался в жизнь Плисецкой (и мою тоже) вместе с его достижениями 50—60-х годов. В ту пору я часто видела Плисецкую на стадионе в Лужниках кричащей, свистящей, принимающей близко к сердцу любые промахи нападения или защиты московских армейцев. Я болела за «Динамо», моим кумиром был легендарный Лев Яшин. На одном из матчей между ЦСКА и «Динамо» армейцы никак не могли одолеть оборонительные рубежи динамовцев, да и Яшин играл безупречно.

— Яшин есть Яшин, — сказала она. — Ему забить просто, но другие — то забивают. Зачем эти драки навесы на вратарскую? Не игра, а сундук какой-то... Смотреть не на что.

Оказавшись в Италии, Плисецкая встретила на телевидении с героем чемпионатов мира по футболу в Аргентине и Франции Паоло Росси — ее футбольным любимцем тех лет. Знак симпатии к выдающемуся форварду она приобрела в магазине рубашку точно такого цвета, как на футболках игроков сборной Италии, с цифрой двадцать на спине — номером Росси. В этом наряде Плисецкая сеголосла по улицам Рима не один день под стрекотание кинокамер и шелканье затворов фотоаппаратов вездесущих репортеров. Вскоре появилась новая футбольная звезда — Диего Марадона. И Плисецкая старалась в любую свободную минуту посмотреть на работу нового мага.

Все эти привязанности и увлечения, конечно, не главное. Больше всего на свете она любит свою профессию. — В моей жизни все крутится вокруг танца, — не без гордости заявила она однажды. — Мой день начинается с упражнений, продолжается репетициями и заканчивается представлениями. Плисецкая не смогла бы достигнуть выдающихся творческих резуль-

татов, если бы не работала с фанатичной одержимостью. беззаветно, преданностью искусству. Ради торжества танца Плисецкая готова преодолеть любые трудности и невзгоды. В примерах нет недостатка. Когда во главе группы артистов балета она выступала в Париже на открытой сцене «Кур де Лувр», солнечные, погожие дни сменились пронизывающей до костей стужей. Ситуация оказалась сложной — гастроль отмене не подлежала. Я просто диву давалась, глядя на балерину, вероятно, заледеневшую от холода, но вышедшую на сцену для того, как написала одна из газет, чтобы «оттаивать своим пламенным искусством замороженных парижских зрителей». Я была преисполнена гордости за ее самоотверженность и мужество. В «Айседоре» Плисецкая сбросила балетные туфли и вышла в греческих сандалиях и тунике. Конечно, как всюду, публика устроила овацию, многие бросились к сцене. Одни протягивали к балерине руки, другие бросали букеты цветов, третьи скандировали «Браво!». Ее выступление — это несравненное чудо, рожденное человеческим гением», — отметила на другой день газета «Либерасьон».

Нечто подобное случилось пятью годами раньше на традиционном фестивале искусств в Авиньоне. Во время концерта разразился ливень. Тысячи зрителей раскрыли зонты, но когда увидели, что балерина продолжает свой искрометный танец, слово не замечая мощных небесных потоков, стали один за другим складывать их в знак солидарности.

Что привлекает публику в Плисецкой? Думаю, не только неукротимая жажда танца. Здесь и метафоризм языка, и гиперболизация жеста, и стихия человеческой страсти, человеческих эмоций, и, наконец, присутствия только ей импровизационности исполнения. Обладая всем этим, Плисецкая тем не менее не раз говорила о том, как мало она сделала. И это несмотря на то, что с первых же сезонов в Большом театре ее репертуар был огромен.

Любопытен и еще один факт биографии Плисецкой: на заре своей удивительной балетной карьеры она едва не ушла в драматический театр. Как-то при встрече с начинающей балериной режиссер Рубен Симонов сказал: «У вас способностей к драме больше, чем к балету». И пригласил к себе в Театр им. Вахтангова. Она чуть было не соблазнилась этим предложением, однако балет бросить не решилась. «Некоторые время я колебалась», — призналась Плисецкая, — но поскольку драма была мне еще неизвестна, а балет уже известен, я выбрала то, что наверняка».

В разные периоды жизни у балерины были и разные пристрастия. По их затейливому, порой чрезвычайно сложному лабиринту звезду балета вела и ее муж, композитор Родион Щедрин. Он для Плисецкой «единственный судья и единственный критерий». «Его вкус, его понимание, — признается Плисецкая, — я верю на сто процентов. Если Щедрин говорит «хорошо», я верю, если говорит «плохо», я верю. Вообще Щедрин — это самое значительное событие в моей жизни. С тех пор, когда я вышла замуж за Щедрина, я танцую для него».

Скажу больше: Плисецкая влюблена в своего мужа, как Джульетта в Ромео, несмотря на то, что старше его на семь лет.

Известно, что дотошные, всезнающие журналисты во все времена интересуются у той или иной звезды, спит ли она с кем-нибудь, и с кем именно, выставляя ее личные привязанности на всеобщее обозрение. А если звезда отказывается отвечать, подвергают ее настоящему допросу с пристрастием, находя лжесвидетелей, как на неправом суде. Потом появляются всевозможные публикации о несуществующих любовных делах с постельными подробностями. И вот что примечательно: из сотен статей о Плисецкой нет ни одной — по крайней мере, я не читала, — в которой автор заметил такие «детали» из интимной жизни балерины, рассказывая о которых, обычно краснеют. Секрет прост: Плисецкая воспитана в иных правилах и смотрит на брак как на таинство. А таинство, как и обет, нарушать нельзя. Заканчивая заметки о Плисецкой, с которой меня связывает подлинная дружба, сожалею лишь об одном: не все успела сказать своим уникальным танцем великая балерина. (Публикуется с сокращениями).

С любимыми кошками на подмосковной даче. 1996 г.